

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЛОВОТВОРУ, СЕМАНТИКИ ТА ПРАГМАТИКИ

УДК 811.161.1'16'373.48

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович,

доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;
e-mail: timur@radbil.ru; тел.: +7 (831) 4329051; моб.: +7 903 0404906

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ КОММЕНТАРИИ С КОМПОНЕНТОМ «СМЫСЛ СЛОВА» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация. Работа посвящена особенностям семантики и функционирования метаязыковых комментариев в *истинном (подлинном, действительном) смысле слова, в прямом (буквальном, строгом, собственном) смысле слова, в узком (широком, полном) смысле слова, в известном (каком-то) смысле слова, в хорошем смысле слова* и пр. в современной русской речи. Доказывается, что указанные языковые единицы играют важную роль в организации дискурса говорящим и в выражении его специфических интенций (порою — манипулятивного типа). С помощью рассмотренных метаязыковых комментариев говорящий существенно корректирует смысл исходного комментируемого выражения, которое без этого комментария могло бы быть воспринято адресатом иначе, а именно в рамках общепринятых установок и трактовок, что явным образом не устраивает говорящего. Делается вывод, что указанные случаи следует трактовать как явления семантического преобразования особого типа, которые можно в целом определить как операции манипулятивной субституции узуального смысла в языковом высказывании.

Ключевые слова: метаязыковые комментарии, прагмасемантика, современная русская речь.

В действительности всё иначе, чем на самом деле.
Антуан де Сент-Экзюпери

В последнее время проблема метаязыковых высказываний и — шире — обыденного языкового сознания в целом осознаётся как одно из наиболее явных применений антропоориентированных исследовательских стратегий в науке о языке. Ещё в работах Р. Якобсона осуществлено выделение метаязыковой функции языка в числе одной из базовых языковых функций: способность создавать сообщения о сообщениях является важнейшим свойством языка как первичной моделирующей системы [см., напр., 6].

Метаязыковой комментарий играет в речевой практике огромную роль, поскольку, во-первых, он выступает как объективный индикатор языковой рефлексии носителя языка, показатель её приоритетов и скрытых тенденций, а во-вторых, посредством языкового комментария говорящий управляет своим дискурсом, организует его структуру для оптимального восприятия адресатом и т. д. Автореферентный характер метаязыкового комментария снимает возможные семантические, стилистические, категориальные, формально-структурные ограничения на сочетаемость: он сочетается со словами любой тематической группы и части речи, с сочетаниями любой протяжённости и пр.

В данной статье рассматриваются особенности семантики и функционирования метаязыковых комментариев в *истинном (подлинном, действительном) смысле слова, в прямом (буквальном, строгом, собственном) смысле слова, в узком (широком, полном) смысле слова, в известном (каком-то) смысле слова, в хорошем смысле слова* и пр., а также их роль в национально-специфичных моделях организации дискурса.

В естественном языке в его обыденном употреблении очень часто эксплуатируется тема объективной истинности, реальности или правильности, нормативности. Люди, производя высказывания, постоянно апеллируют к «тому, что есть на самом деле» или к «тому, что должно быть», т. е. соотносят говоримое с реальным устройством мироздания, со структурой мира (Ч.С. Пирс) в целом («так есть») или с неким общепринятым идеалом, императивом («так должно»). Апелляция к «законам мироздания», как, впрочем, и к общечеловеческим ценностям, придаёт убедительность и весомость самым простым бытовым суждениям, мнениям, оценкам, высказанным по поводу самых незначительных фактов. Она есть также отличное средство маскировки бессодержательности, путаности, скудности и банальности высказываний.

В отечественном языкознании традиция рассмотрения манипулятивного потенциала слов и выражений подобного рода истины восходит к пионерским работам в области «языковой демагогии» Т. М. Николаевой [3] и — особенно — к книге Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелёва «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)» [2].

Я попытаюсь показать, что указанные языковые единицы играют важную роль в организации дискурса говорящим и в выражении его специфических интенций (порою — манипулятивного типа). С помощью рассмотренных метаязыковых комментариев говорящий существенно корректирует смысл

исходного комментируемого выражения, которое без этого комментария могло бы быть воспринято адресатом иначе, а именно в рамках общепринятых установок и трактовок, что явным образом не устраивает говорящего. Перед нами — явления семантического преобразования особого типа, которое можно в целом определить как **операция манипулятивной субституции** узуального смысла в языковом высказывании [4, с. 423].

Можно условно выделить следующие семантико-функциональные разновидности подобных операций.

I. Операции с истинностью. В метаязыковых комментариях *в истинном смысле слова, в действительном смысле слова* реально не устанавливается «объективная истина», она только декларируется: значения слов и выражений интерпретируются исключительно в духе воззрений говорящего, а не в плане выражения «объективной истины».

Человек, не принадлежащий к церкви, не может быть нравственным в истинном смысле слова. Добродетели язычников — это, в сущности, пороки [НКРЯ]. — В этом примере метаязыковой рефлексив *в истинном смысле слова* реально выражает в безусловной форме только религиозно-христианскую точку зрения на вопрос о том, что значит быть нравственным, но никак не то, что мы привыкли считать «объективной истиной», т. е. верифицированным суждением. Правильная интерпретация этого высказывания в духе логического анализа естественного языка могла бы быть такой: *‘Человек, не принадлежащий к церкви, не может быть нравственным в истинном смысле слова, [как я понимаю истинный смысл этого слова, и при этом (только) мое понимание верно, т. е. соответствует действительности]’.*

Я условно именую подобные случаи использования метаязыковых показателей со значением истинности речевыми стратегиями «манипуляции с истиной». По моим наблюдениям, речевые стратегии подобного типа весьма разнообразны и крайне частотны в обыденном дискурсе. Мощный воздейственный потенциал «манипуляций с истиной», который требует от говорящего минимума интеллектуальных усилий — всего-навсего эксплицировать языковой показатель с семантикой истины, но уж никак не аргументировать или верифицировать его истинность, — позволяет нам легко оперировать понятиями «истина», «истинность» в расхожем смысле для выражения наших частных мнений и сомнительных убеждений и не подвергаться при этом вполне ожидаемому опровержению.

II. Операции с общеизвестностью. К операциям с истинностью примыкает другой тип манипулятивных преобразований, эксплуатирующий сферу эпистемической модальности — знание / незнание, определённости / неопределённости. Здесь невербализованная пропозициональная установка «(Обще)известно, что...» также используется для утверждения необщепринятых позиций:

Учёные говорят, что каждый человек в известном смысле слова по природе свое гений [НКРЯ]. — В данной фигуре речи намеренно не эксплицируется, в чём именно состоит «известный смысл» и кому именно он известен (предполагается — всем). В этих случаях очень часто (намеренно или ненамеренно) комментируемое выражение как бы дезавуируется, потому что данный оператор способствует восприятию его референта как «ненастоящего», «второсортного» — не на самом деле, а только «в известном смысле».

Особенно этот эффект усиливается, когда комментарий *в известном смысле слова* употребляется применительно к выражению, не подлежащему вероятностной или эпистемической оценке. Напр.: *...Американское правительство стремилось скрыть правду так же, как оно не начинало уголовного расследования в известном смысле слова.* — Здравый смысл предполагает, что уголовное расследование может однозначно оцениваться как начатое или как не начатое, но никак не «в известном смысле» начатое. Здесь возникает импликация, дезавуирующая само проводимое расследование в зоне адресата в ценностном плане, т. е. перед нами снова не дескрипция или номинация события, а скрытое воздействие.

К разряду эпистемических комментариев, оперирующих референциальными статусами, следует отнести и комментарий, задающий референциальную неопределённость — *в каком-то смысле слова*. Здесь предлагается обратная предыдущей коммуникативная ситуация — «какой-то» смысл слова неизвестен ни говорящему, ни адресату, но при этом имеется некий «необходимый референциальный или смысловой минимум», достаточный для того, чтобы говорящий имел право применить в данной ситуации данную номинативную единицу. Напр.: *Как вы считаете, смогут партии создать эффективные пиар-структуры, которые будут эффективно проводить избирательные кампании? — В каком-то смысле слова смогут* [НКРЯ]. — Понятно, что бремя определения этого «достаточного минимума» целиком и полностью лежит на плечах говорящего. Кроме того, в силу достаточно естественной инференции, согласно которой без этой экспликации явление или событие, скорее всего, не имеют места («в каком-то смысле слова смогут, а вообще, в прямом смысле, при более вероятном развитии событий, — нет»), говорящий легко может отказаться в дальнейшем от ответственности за содержание высказывания, упирая на то, что он имел в виду это лишь «в каком-то неопределённом смысле». Особенно это важно в случаях, когда содержание высказывания в норме должно трактоваться совершенно однозначно и, значит, не должно иметь никаких таких особых условий для своей интерпретации, т. е. добавочных «каких-то» смыслов. Напр.: *Благодаря этому установка в каком-то смысле слова безопасна* [Речь идёт о холодильных установках]. — Очевидно, что адресату желательно, чтобы установка была безопасна не «в каком-то смысле», а в единственно возможном и однозначном смысле.

III. Операции с логическими кванторами (всеобщности и существования). Квантор всеобщности эксплуатируется метаязыковым комментарием *во всех смыслах слова*: его употребление претендует на

задание говорящим исчерпывающего списка всех возможных значений используемого слова, но на деле опять же лишь предлагает субъективную интерпретацию понятия в духе собственных воззрений.

Говорящий как бы заранее перечёркивает саму возможность привнесения нового смысла, какой-либо иной интерпретации сказанного («в таком исчерпывающем ключе»). Особенно это заметно, когда говорящий сам перечисляет эти смыслы, по собственному произволению. Напр.: *Девушка Вера — маленькая во всех смыслах слова. Молодая совсем, школу только окончила, зелёная, неопытная, ума маловато, образованности не хватает. Жизнь у неё какая-то мизерабельная.*

Также интересно употребление *во всех смыслах слова* в качестве метаязыкового комментария к выражению, имеющему узусуально однозначную интерпретацию и никаких других смыслов не предполагающему. Напр.: *Бангкок — столица Таиланда во всех смыслах этого слова.* — Подобные употребления порождают в зоне адресата инференции, узусуально отсутствующие в высказывании, но нужные говорящему (в нашем случае это мысль о столице как о центре всякого рода «теневых» развлечений и удовольствий), т. е. окказиональное расширение объёма семантики в плане неузуальной метафоризации («столица греха»).

Квантор существования эксплуатируется метаязыковым выражением *в некотором смысле слова*, которое также вполне манипулятивно — говорящий осторожно обозначает одну из возможностей толкования, от которой легко отказаться впоследствии. Напр.: *Юрий Богомолов: Смерть Березовского в некотором смысле есть жизнь...* — Причём смысл этот, как правило, наведённый, неисконный, что, конечно, усиливает произвол говорящего. Ср., напр.: *Все женщины в некотором смысле — инопланетянки...*

IV. Операции с интенционалом (содержанием понятия). Показательны случаи, когда эксплицируется вполне понятная установка на уточнение значения слов, которая реально ничего не уточняет, а всё окончательно только запутывает. Напр.: *Жизнь без цели убивает в прямом смысле слова* [О том, что люди, не имеющие ясной цели в жизни и избегающие напряжённой деятельности, умирают раньше тех, кто живёт активно]. — Но разве здесь слово *убивает* употреблено в прямом значении «лишать жизни; умерщвлять»? Здесь ведь речь идёт о естественной смерти, пусть и наступающей чрезмерно рано, с точки зрения говорящего. Какое же тогда «прямое значение» он «уточняет»? А никакого. Более того, под «маской» метаязыкового комментария, апеллирующего к прямому значению, говорящий порождает в контексте как раз переносное, метафорическое — «как бы убивает, способствует ускорению наступления естественной смерти» (ср. *курение убивает*).

Резонно предположить в этой ситуации некую специфическую интенцию говорящего, связанную с целенаправленным воздействием на когнитивную, оценочную и мотивационную сферу адресата, а именно — намерение навязать своё понимание, свою оценку и свою мотивацию по отношению к денотативной зоне порождаемого высказывания. Формулируя это несколько по-другому, говорящий влияет на картину мира адресата. Лингвистический механизм здесь состоит в подмене узусуальной, ожидаемой адресатом по умолчанию в рамках принципа кооперации интерпретации интерпретацией уже другого типа — неузуальной, неидиоматичной, т. е. личностной, своей собственной. Напр.: *Отвечая на вопрос, почему Михаил Ходорковский отказался эмигрировать в свое время, Москаленко сказала: «Он патриот своей родной страны — в прямом смысле слова...».* — Обратим внимание на то, что реально, т. е. узусуально, слово *патриот* не предполагает никакого иного смысла, кроме прямого (не говоря уже о сомнительности тавтологического уточнения *своей родной страны*). Следовательно, в данном употреблении заложена неузуальная импликация «истинный, подлинный патриот», т. е. соответствующий некоему идеальному представлению о патриоте в сфере ценности говорящего. Также подобная экспликация предполагает ещё одну возможную инференцию в зоне адресата, что противники Ходорковского — патриоты («не в прямом смысле слова»), т. е. не истинные.

Очень часто употребление такого оператора вообще представляется неоправданным. Напр.: *В школе в прямом смысле слова трещат стены* [Речь идёт о повреждённых стенах в здании школы]. — Здесь употребление выражения *в прямом смысле слова* представляется вообще тавтологически-избыточным, потому что выражение *трещат стены* в узусе не предполагает какой-либо иной, не прямой интерпретации в режиме косвенного речевого акта (т. е. *стены*, в отличие, например, от *головы* или *ушей*, не могут в узусе трещать в каком-то ином, метафизическом плане).

Аналогично ведут себя метаязыковые комментарии *в буквальном смысле слова* и *в собственном смысле слова*: чаще всего они демонстрируют апелляцию как раз не к «буквальному», а к какому-то иному прочтению. Напр.: *Валя меня в буквальном смысле слова умоляла поехать на дачу...; Двухлетний британец Элфи Кэмп в буквальном смысле слова шокировал врачей.* Здесь можно заметить, что экспликация установки на буквальную интерпретацию выражения избыточна, потому что никакого «небуквального» смысла, который мог бы предполагаться по умолчанию в зоне адресата, у слов *умолять* «склонять к чему-н. мольбами, просьбами, упрашивать» и *шокировать* «приводить в смущение нарушением правил приличия, общепринятых норм» просто нет. Иными словами, у адресата начисто отсутствует возможность альтернативной, непредвиденной говорящим трактовки смысла предлагаемого высказывания, от которой мог бы «страховаться» говорящий посредством употребления оператора *в буквальном смысле слова*.

В нашем случае употребление *в буквальном смысле слова* апеллирует не к значению, а к внутренней форме слов *умолять* (вместо *мольбы* как интенсивной просьбы задействуется идея *молить*) и *шокировать* (апелляция к прямому значению производящего слова *шок* «тяжёлое расстройство функций организма вследствие физического повреждения или психического потрясения», отсутствующему у производного глагола).

Разновидностью установки на деидиоматизацию посредством оператора *в буквальном смысле слова* является использование квазисинонимичного оператора *в собственном смысле слова*. И в этом случае, несмотря на наличие эксплицированной установки на «возвращение» словам их мифического «собственного смысла», реально речь идет не о собственном смысле слов, а о трактовке комментируемого высказывания в свете интересов говорящего. Напр.: *В ответ на это жители городских районов, студенты, рабочие предприятий, члены радикальных партий стали создавать вооруженные отряды самообороны, то есть милицию в собственном смысле слова*. — Нетрудно видеть, что это — милиция как раз не в собственном сегодняшнем смысле слова, а в смысле диахроническом, историческом, первоначальном, но отсутствующем в современном узусе.

Также данный метаязыковой оператор употребляется при вполне однозначно интерпретируемых номинациях, в норме не нуждающихся в уточнении смысла. Напр.: *Здесь есть ещё одна тонкость: продавать следует не то, что людям в собственном смысле этого слова нужно, а то, чего они хотят, желают*. — Трудно предположить, что в узусе имеется какой-то особый «собственный» смысл для предикатива *нужно*. Здесь, скорее, имплицитно специфическая установка говорящего на то, что ему ведом некий истинный смысл данной номинации, неизвестный остальным, и его нужно донести до слушающего, сделав вид, что адресату этот смысл в пресуппозиции тоже известен. Перед нами, по сути, нарушение принципа кооперации под видом его соблюдения.

V. Операции с экстенционалом (объемом понятия). Аналогичным образом метаязыковые комментарии *в полном смысле слова, в широком (узком) смысле слова* эксплицируют определённые манипуляции адресата с объёмом семантики исходного выражения, что позволяет говорящему немотивированно включать в объём семантики выражения смыслы, изначально не присутствующие в ассертивной области значения. Напр.: *Высказывая своё понимание этого тезиса, губернатор сказал так: речь идёт о безопасности в широком смысле слова*. — Становится немного страшно от возможности расписанно толковать «безопасность» в устах столь авторитетного представителя власти.

Особенно «удобным» средством манипулятивной субституции в сфере экстенционала является выражение *в полном смысле слова*. Возможная манипулятивность подобного языкового комментария связана с его прагматическим потенциалом: его употребление, по сути, имплицитно ложное предположение о том, что говорящему ведом некий полный смысл какого-либо выражения, неведомый другим простым смертным, говорящим на данном языке. Особенно часто это свойство используется, например, в рекламном дискурсе: *Это в полном смысле слова уникальный продукт, аналогов которому нет в мировом эскалаторостроении* [Речь идёт о новом типе тоннельного эскалатора]. — Узуально значение слова *уникальный* «единственный в своём роде, неповторимый» не имеет ещё какого-то скрытого, более полного смысла. Данный смысл привносится, имплицитно говорящим в направлении «ещё большей уникальности», т. е. «идеальный, совершенный», что вызывает соответствующую инференцию — ауру положительной оценочности в зоне адресата.

VI. Операции с системой ценностей. Специфический тип ценностной реакции говорящего и возможности манипулятивного эффекта при употреблении метаязыкового комментария *в хорошем смысле слова* описаны мною в ряде работ — см., напр., [5]. Здесь я отмечу лишь, что экспликация говорящим позитивной оценочности в ассертивной части выражения свидетельствует о том, что «по умолчанию», в пресуппозиции, т. е. узуально позитивная оценочность в этом случае далеко не очевидна, и, напротив, в узусе возможна импликация оценочности отрицательной. Напр.: *Баста [рэпер]... стал ещё большим индивидуалистом в хорошем смысле этого слова*. — Очевидно, что в узусе слово индивидуалист без «добавки» в виде *в хорошем смысле слова*, т. е. идиоматично и конвенционально, «по умолчанию», выражают неассертивный отрицательно-оценочный компонент. Нетрудно видеть, что эта «добавка» разрушает идиоматичность, делает употребление неконвенциональным. Метаязыковой комментарий *в хорошем смысле слова* выступает здесь как своего рода оператор семантического преобразования лексемы, которая меняет своё значение посредством контекстуальной элиминации негативно-оценочных сем. Но это доказывает, что без такого преобразования данные негативно-оценочные семы в указанных словах и выражениях наличествовали.

Манипулятивный эффект подобных употреблений особенно ярко проявляется в случаях присоединения данной оценочной «добавки» к узуально внеоценочным понятиям. Напр.: *Она была женщиной в хорошем смысле слова!* — С точки зрения адресованности, в подобных случаях можно, видимо, говорить об определённом воздействии говорящего на оценочную сферу адресата, которая в зоне адресата (не ассертивно, мировоззренчески, разумеется, а подсознательно, имплицитно) по умолчанию соотносена с той, что представлена в узусе. Это можно именовать **ложная ценность**, или **псевдо-ценность**. Дело в том, что подлинные ценности (как, впрочем, и их антиподы — анти-ценности) безусловны и аксиоматичны [1]. Лишь псевдо-ценности могут быть «хорошими» только при определённых условиях, с каким-то ограничением или оговорками: содержащаяся в импликационале этих слов ложная претензия как бы дезавуируется, разоблачается экспликацией таким, на первый взгляд, невинным оценочным метаязыковым комментарием, как *в хорошем смысле (этого) слова*.

В целом, можно заключить, что посредством экспликации подобных установок говорящим порождается определённый манипулятивный эффект — своего рода навязывание адресату импликаций, пресуппозитивных смыслов и оценочных коннотаций, требуемых говорящему, но не входящих по умолчанию в ассертивную зону узуального выражения в речевой практике. Подобные речевые стратегии имеют общекоммуникативную природу. Они вытекают из универсальных законов речевого взаимодействия, и в этом плане они не специфичны, а, скорее, универсальны. Однако думается, что можно всё же интерпретировать востребованность этих конструкций именно в духе русских наци-

онально-специфичних речеповеденських стратегій — як тяготення руских моделей організації дискурсу к категорическим сужденням морального или оценочного характера, как определённую установку на некооперативное речевое поведение, в рамках которого адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения и мнения, причём в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. — 896 с.
2. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с.
3. Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия / Т. М. Николаева // Прагматика и проблемы интенциональности. — М.: Наука, 1988. — С. 154–165.
4. Радбиль Т. В. Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом / Т. В. Радбиль // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Индик, 2012. — С. 411–423.
5. Радбиль Т. В. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления / Т. В. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. — № 6, ч. 2. — С. 569–573.
6. Якобсон Р. О. Язык и бессознательное: [пер. с англ., фр.] / Р. О. Якобсон; сост., вст. слово: К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. — М.: Гнозис, 1996. — 248 с.

References

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka / N. D. Arut'unova. — 2-e izd., ispr. — M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1999. — 896 s.
2. Bulygina T. V. Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoy grammatiki) / T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. — M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. — 576 s.
3. Nikolaeva T. M. Lingvisticheskaya demagogiya / T. M. Nikolaeva // Pragmatika i problema intensional'nosti. — M.: Nauka, 1988. — S. 154–165.
4. Radbil T. V. Metayazykovoy kommentariy kak sredstvo manipulacii adresatom / T. V. Radbil // Logicheskij analiz yazyka. Adresaciya diskursa / otv. red. N. D. Arut'unova. — M.: Indrik, 2012. — S. 411–423.
5. Radbil T. V. «Yazyk cennostey» v sovremennoy russkoy rechi i puti ego ischisleniya / T. V. Radbil // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya «Filologiya». — Nizhniy Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2011. — № 6, ch. 2. — S. 569–573.
6. Jakobson R. O. Yazyk i mir bessoznatel'noye: [per. s angl., fr.] / R. O. Jakobson; sost., vst. slovo: K. Golubovich, K. Chukhrukidze; red. per. F. Uspenskiy. — M.: Gnozis, 1996. — 248 s.

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович,

доктор филологических наук, профессор кафедры современной российской речи и общего языкознания Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; Нижний Новгород, Россия;
e-mail: timur@radbil.ru; тел.: +7 (831) 4329051; моб.: +7 903 0404906

МЕТАМОВНІ КОМЕНТАРІ З КОМПОНЕНТАМИ «СЕНС СЛОВА» В СУЧАСНІЙ РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. Робота присвячена особливостям семантики і функціонування метамовних коментарів в *истинном (подлинном, действительном) смысле слова, в прямом (буквальном, строгом, собственном) смысле слова, в узком (широком, полном) смысле слова, в известном (каком-то) смысле слова, в хорошем смысле слова* і пр. в сучасній російській мові. Доводиться, що зазначені мовні одиниці відіграють важливу роль в організації дискурсу мовець і в вираженні його специфічних інтенцій (іноді — маніпулятивного типу). За допомогою розглянутих метамовних коментарів мовець істотно коригує зміст вихідного коментованого виразу, який без цього коментаря міг би бути сприйнятий адресатом інакше, а саме в рамках загальноприйнятих установок і трактувань, що явно не влаштовують мовця. Зроблено висновок, що зазначені випадки слід трактувати як явища семантичного перетворення особливого типу, які можна в цілому визначити як операції маніпулятивної субституції узуального сенсу в мовному висловлюванні.

Ключові слова: метамовні коментарі, прагмасемантика, сучасна російська мова.

Timur B. RADBIL,

Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of Modern Russian Language and General Linguistics of the N. I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Nizhni Novgorod, Russian Federation;
e-mail: timur@radbil.ru; tel.: +7 (831) 4329051; mob.: +7 903 0404906

METALANGUAGE COMMENTS WITH COMPONENT «SMYSL SLOVA» («SENSE OF THE WORD») IN THE MODERN RUSSIAN SPEECH

Summary. The article deals with semantic and functional characteristics of metalanguage comments *v istinnom (podlinnom, deystvitel'nom) smysle slova, v pr'amom (bukval'nom, strogom, sobstvennom) smysle slova, v uzkom (shirokom, polnom) smysle slova, v izvestnom (kakom-to) smysle slova, v khoroshem smysle slova* etc. in the Modern Russian speech. The fact that these language units play an important role in organization of discourse by a speaker and in manifestation of his / her specific intentions (sometimes — manipulative ones) is proved. With the help of examined metalanguage comments a speaker can essentially correct sense of source commented expressions which would be interpreted by addressee without this comment in a different way, namely within the bounds of generally accepted rules and treatments, and this situation does not obviously suit a speaker. The author arrives to the conclusion that it is necessary to treat examined phenomena a result of special semantic transformations which can be defined in whole as manipulative substitution operations of usual sense in utterance.

Key words: metalanguage comment, pragma-semantics, the Modern Russian speech.

Статтю отримано 12.04.2014 р.